

Не связаны

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Семёнов

Не связаны

«Автор»

2026

Семёнов А. А.

Не связаны / А. А. Семёнов — «Автор», 2026

Пять не связанных между собой историй, каждая из которых предлагает читателю незабываемые эмоции. Здесь есть место и страху, и мыслям, и смеху.

© Семёнов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дом крыс	5
Прибежище	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Андрей Семёнов

Не связаны

Дом крыс

Что тогда произошло я не знаю. Все было прекрасно. Я лежал в траве и от палящего Солнца меня защищали листья папоротника, вокруг меня кружились аборигены. Как-то раз отец сказал мне, что многие люди показывают себя некомпетентными дураками, пытаюсь критиковать что-нибудь в начале своей публичной карьеры. И сказал он это за десять недель до того, как прострелил себе башку из табельного. Таким образом он решил поставить точку в коротком списке того, что у жизни взял. Хоть и дал он нам с братом многое, забрал он в уплату за это наше детство. До того, как покинуть столь незаурядным способом нашу семью, этот мудака часто нас с братом колачивал, что несколько поумерило наше горе на похоронах. Ревела только мать, святая женщина. После смерти этого монстра брат пошел в армию, где отдал жизнь в очередной войне за кошелёк тех толстосумов, которых поносят за дело по всем каналам. Моя же жизнь была в меру безмятежной до того, как я встретил ее.... Нет, я не хочу вспоминать ее. Она второе чудовище в моей жизни. Она ушла. Она оставила, дрянь такая, меня одного. Как она посмела, черт возьми?! Срочно уйти, убежать, скрыться, мне страшно...все закрой глаза, что ты видишь, в смысле, я вижу... конечно... Синие горы, красные, меня омывает светом зеленых гор и розовых. Вокруг проносятся закаты и в это время без устали танцуют аборигены- я очутился в Африке под палящим солнцем, укрываемый листьями папоротника и укутываемый звуками бубна, я уношусь далеко за пределы воспоминаний о том, что уже не вернуть. Как же славно. Хозяин, за что ты нас так ненавидишь? Мы не можем понять Твое поведение типично для столь возвышенного существа? Когда ты в последний раз улыбался? Впавшие глаза, грязные пятна и запах лимонного сока повсюду. Тут воняет лимоном и везде разбросаны его опустошённые дольки и что-то еще. Что же это? Хозяин, ответь нам, мы хотим услышать тебя, вылезти из-под просаленных простыней, одеяла и горы пледов, мир прекрасен за нашими стенами, они принадлежат нам, а дом принадлежит тебе. Следовательно, мы тоже принадлежим тебе с тех пор, как плешивые и ободранные выбрались из канализации и решили обосноваться здесь. Рядом с тобой. Мы любим тебя и никогда не оставим. Нам здесь хорошо, везде мусорные пакеты, в которых полно старой еды. Питаешься ты, право, ужасно: сухие отростки (они неприятно пахнут) и лимоны, ты заливаешься черным горьким напитком, запах которого перебивается с запахом чего-то дымного, нам становится страшно, когда ты дымишь. Запах этих угольков перемешивается с запахом чёрного напитка и нам становится дурно, прекрати, хозяин, мы не хотим видеть тебя таким!!! Опять этот шум, они бегают в стенах, сколько можно?! Ненавижу этих тварей! Сколько оно продолжается Два года или три, вроде. В какой-то момент я стал слышать этих маленьких гадов, они беснуются и не дают мне спать, они жрут, грызут, шуршат и носятся, носятся, носятся. Как же быстро они расплодились! Во всем виноваты эти тупицы. Чёртовы дезинфекторы, я отправлял им столько запросов, что у меня водятся крысы, что они сочли меня сумасшедшим и добавили в черный список всех компаний, занимающихся уничтожением вредителей. Как же я вас ненавижу, просто жить не могу с этим постоянным шумом. Вы мешаете мне работать, даже во сне я чувствую, как вы ползаете в стенах, касаетесь своими мерзкими лапками моей кожи, даже одеяла и пледы не спасают от этого чувства. Ну, ничего, я вас переживу и изживу из моего дома, он достался мне от отца, а ему от его отца. Наше фамильное имя высотой всего в два этажа Оно засорено мусором и мерзкими вредителями. Пахнет здесь, конечно Мать бы оторвала мне уши, если бы узнала, во что я превратил гостиную, но так надо. Я не могу работать. Я должен!

Хозяин, мы слышим твои всхлипы, почему ты не выходишь? О, она идет, ты слышишь? Она заполняет собой весь дом Этот запах. Это ваниль, тааак вкусно!!! Она громкая, она чеканит по мраморному полу своими каблуками, белокурая госпожа. Что она здесь делает, хозяин? Она хочет избавиться от нас, хозяин, спаси нас!!! Я открываю глаза от громкого звука, он расщепляет мои веки, и я вижу перед собой огромное желто-салатовое пятно, она говорит так странно и убаюкивающе.-Дорогой, проснись! ТЫ живой?!- она сорвала голос и теперь он полон фальшивых нот.-Живой, живой! - надо посмотреть на нее, почему так больно? Я поднимаю глаза и наворачиваются слезы. Бежать! Она не узнает! – Как ты попала сюда?-У меня ключ вообще-то есть- теперь её голос кажется холодным и тяжелым как лист металла.- Что тебе нужно? – я не могу посмотреть, что за дела?! Проваливай, как ты уже это делала! Руки немеют от боли.-Да вот, пришла проведать тебя. Как ты справляешься? Ты ничего не прислал с тех пор, какНадо не давать ей говорить, а то опять забудет мне голову своим бредом. Как же ей нравятся нравочения читать. Вот если бы ты потратила это время на размышления и не уходила от меня, то тогда я бы мог нормально работать! О, гнев — это хорошо, теперь я смогу посмотреть ей в глаза и сказать все, что я о ней думаю. Припомню все, что она натворила. Тупая девка!-Замолчи, прошу тебя. Сколько можно? Я ведь знаю, что тебе насрать на меня. Не потому ли ты ушла, что слишком хороша для меня? – О, да! Я чувствую это! Это праведный гнев, он растекается плавленным железом по всему телу, так тепло, что я перестаю дрожать.-Так ты видишь эту ситуацию? ТЫ совсем сгнил в этой чертовой дыре! Выйди на улицу, вынеси мусор, уберись, в конце концов. – не глазах её я вижу капли дождя, странно, что голова у неё сухая глупая, я вижу, что ты соскучилась. Это может значить только одно, что ты готова сойтись, только сама этого ещё не поняла.-О, так ты пришла меня проведать, значит? – сколько же грязи на полу-Не будь таким. Почему ты видишь в других только зло? Почему ты такой злой? - голос у нее становится ржавее с каждым словом; ты думаешь я тебе поверю? ТЫ все ещё меня любишь! Скажи это! – Пожалуйста, Эди. Тебе нужна помощь.-Помощь?! Где ты, черт возьми, была раньше?! – невыносимо, сейчас блевану. Почему я чувствую, что провинился? Это же она ушла! Это она виновата, а не я! – прошу, проваливай. Вали из моего грёбанного дома, корова!- Вот и славно!Не уходи, прошу Хозяин, что ты пытаешься сделать? Она не слышит, её лицо изобразило такую гримасу боли, что даже с твоим обычным лицом никак не сравнится! Мы ликуем, господин наш. Мы благодарны тебе за то, что ты прогнал её, она плохая, её белое сияние всегда сопровождается этим запахом ванили; мы не любим запах ванили, потому что она перебивает твой запах, ты наш Бог, а она заполняет дом собой, своим тлетворным вмешательством. Она ушла от тебя, сказав, что ты склонен к саморазрушению, но это не так. ТЫ прекрасен, а она просто не понимает тебя. Ты сотворил нам уютное прибежище. Мы благодарны тебе за это. Это лучше, что случилось в нашей жизни с тех пор, как мы сбежали из канализации, там было холодно и сыро. Там было плохо. С тех пор, как мы живем под твоим покровительством, наша шёрстка стала такой чистой и мягкой. Спасибо, господин. «Мораль- это ограничения, не имеющие четких очерченных рамок, сформированные общественным сознанием. Мораль целостна и делима. Мораль субъективна, если опираться на тот факт, что у каждого общества свое сознание, следовательно, свое бытие и, конечно же, своя мораль, которая может идти в разрез с представлениями о ней у другого диаметрально противоположного общества. Что ж, раз уж меня спросили, то я отмечу только отрицания по данному вопросу: первое, мораль субъективна и не может выступать предметом дискуссии либо в весьма специфической манере, уводящей вопрос в облачить психологии и философии; второе, любое физическое и мета-физическое благо, предусматриваемое большинством как собственное таковым и является, а значит ограничения его получения считать можно разве что преступлением, а оно морально, значит субъективно и обсуждаться должно специфически либо не обсуждаться вовсе; третье, тема разговора для меня не близка, я в ней не ориентируюсь, следовательно, конструктивного диалога не получится.»- Вот так я и ответил этому чертову

редактору, этому недо-критику с больной дороги, да что он понимает вообще. Нет, хватит. Хватит с меня этого бреда! Надо бежать Я чувствую это, я близко. Я оказался наверху, здесь, на башне из чистого белого света. Я сияю и вижу вокруг меня миллионы таких же башен, а на вершинах стоят люди не смотрят друг на друга, потому что происходит там, внизу, намного важнее самой жизни всего, что могло прийти на ум любого философа; здесь наверху люди не имеют значения, я вижу сверхлюдей и мельтешащих блох, они огромны, размером с автобус, наверное. Не меньше точно. Они иллюзорны, как любые цвета. Сквозь них можно пролетать и выглядят они изнутри, как тоннель, по которому перемещался Нео в фильме «Матрица». Как же здесь тихо. И никакие высокомерные бывшие не пытаются залезть тебе в голову! Ха! Это мой триумф и этого никто не сможет отнять. Хозяин, мы голодны, почему ты не двигаешься, хозяин? Сколько ждать, прежде чем ты проснёшься? Хозяин, нам надо есть, и тебе надо есть, наши сородичи уже изголодались по нормальной пище. Нам нельзя есть только лимоны и пить черный напиток, от него сердце колотится и становится больно. Отвалите от меня, поганые твари! Сколько можно! Почему мне нельзя побыть одному, почему все меня донимают именно тогда, когда я пытаюсь отдохнуть?! Из-за вас я не могу побыть один, вы всегда здесь, я слышу вас! Я чувствую вас, чувствую, как распадается мой дом. Спасите меня. Нет, я не слабак, я великий человек с большой буквы Ч, и я не сдамся! Надо бежать, бежать, бежать, бежать Я вижу китов, они прекрасны, они поют мне песнь. Они плывут в прекрасном необъятном космосе. Тут они затмевают звезды своими массивными телами, и я плаваю среди них, мы равны. Как же славно, как приятно и легко просто не смотреть вниз. Там, внизу, меня не ждет ничего хорошего. Только разочарования. Брат оставил меня. Отец оставил меня. Мать оставила меня. Даже Она оставила меня. Нет, я контролирую ситуацию, я в порядке! Есть, есть, есть, есть, есть, есть, есть. Мы голодны, хозяин, дай нам есть! Нет, как вы попали сюда, чертовы твари?! Отстаньте от меня, я стал горой, я переливаюсь синими бороздами и зелеными, я стал самой покойной горой в Африке, я чувствую, как на мне растет жизнь и мне приятно.-Кто вы такие?! Что вы делаете с нами? Хозяин, спасите нас! – горло болит, почему молят они, а больно мне? Бред какой-то. Мы стали Богом. Теперь мы находимся среди равных. На небесах красиво, все добрые, словно порхая, они проносятся возле нас, суетятся. Иногда они ведут нас в пышную комнату, мы её называем хлопковой, потому что она теплая и мягкая, теперь нас не достают. Они были там, в Аду, а мы на небесах. Тут славно. И чисто.

Прибежище

Тьму неожиданно рассекает свет. Входят два здоровенных крепких тела. Один стоит в проеме, в то время как второй включил настольную лампу и резкими движениями проверяет не разболтались ли ремни на не очень удобном зато невероятно функциональном стуле. Выражение лица у него такое, будто никого на этом стуле нет. Он показывает отточенный до безупречности жест напарнику и тот повторяет его в проход; через несколько мгновений входит низенький сухой мужичок. Сам худой, пальцы длинные и кривые, волосы короткие и не тронутые сединой, большие усищи без бороды и запах сигарет. Отличает этого старичка и то, как он смотрит- у его коллег, вошедших перед ним и сейчас стоящих за дверью в коридоре, глаза стеклянные, безучастные; у него же, напротив, глаза выражают искреннюю обеспокоенность, они давят и транслируют вопросы, он смотрит внутрь. Господин Г. не любит отвечать на вопросы, особенно находясь в таком положении, он борется с желанием вырваться, кричать и плакать- все это бесполезно, ему надо отвечать на вопросы или это никогда не закончится.

Мужчина смотрит на господина Г. и молчит, ждет; потом он достает пачку сигарет и пододвигает ее и пепельницу на середину стола так, чтобы собеседник их видел, достает сигарету и закуривает; первую затяжку, как и все последующие, он выпускает господину Г. прямо в лицо, чтобы напоминать раз за разом в каком унижительном положении тот находится; первый заговоривший проиграл. На лице господина Г. появляется испарина, глаза начинают болеть от дыма, а ноги подрагивают; пробивает холод, немеют пальцы рук; курящий же не отводит взгляд и, докурив, достает из портфеля тонкую папку и ручку. Ручка изящно скользит, нарушая тишину. И молчание прерывается вопросом: "Можно мне стакан воды?" - Сказал господин Г., не выдержав напряжения. Голова его полнилась страшными картинками расправы.

- Нет, мсье, нельзя. - ответил мужчина, сверкнув моноклем, а потом продолжил- вы знаете, за что вас задержали?- Говорил он низко и очень тихо, но не шепотом. Так говорят с детьми, когда гнев переходит уже все границы.

- Нет, не знаю, как и то, сколько сейчас времени.- Голос господина Г. дрожал, словно скрипка.- Как вас зовут?- Неожиданно резко выпалил собеседник.

- Гаспард Бланк.- Ручка дернулась в руках безымянного мужчины и заскользила по первому листу папки.

- Вы знаете, за что вас задержали, мистер Бланк.- Это должен был быть вопрос, Макэр Дюваль посчитал правильным произнести его, как утверждение.- Нет, не знаю, вы уже спрашивали.- Глаза бедного юноши побежали по столу в поисках ответа на вопрос.- К какой организации вы принадлежите?- Я не принадлежу ни к какой организации, пожалуйста, дайте мне стакан воды.- Кто еще с вами работает?- Я не понимаю о чем вы говорите.- Если вы продолжите не отвечать на мои вопросы, юноша, вы несоро отсюда выйдите. Ответьте хоть на один и я попрошу для вас стакан воды. Вы знаете за что вас задержали?- Меня, по видимости, подозревают в том, чего я не делал?- ручка снова шевельнулась. Мужчина медленно встал из-за стола и пошел в дальнюю часть комнаты, постучался в дверь и ушел на некоторое время. Пока дверь открывалась и закрывалась, господин Бланк успел увидеть надписи на листке в папке, они гласили: "Протокол допроса. Ведет Макэр Дюваль. Дата: 2 февраля 23." Через некоторое время мужчина вернулся со стаканом воды и трубочкой, чтобы не ослаблять ремни, которыми обездвижен мистер Бланк.

- Вернемся к нашей беседе, мсье; сегодня 2 февраля 23 года, время 7 часов 49 минут. Вас обвиняют в подготовке теракта с целью убийства главы государства. Вам есть, что сказать в свое оправдание?

- Я не пон... Я не... Я не подготавливал никаких терактов! Эти обвинения не это...без оснований! Слушайте, я законопослушный гражданин. Я не виновен! Я...- речь его резко оборвал господин Дюваль.

- Слушайте, голубчик, отвечайте по существу. Я столько раз слышал эти слова, что каждый раз хочется зевать. Улики против вас неоспоримые; в вашей квартире нашли все необходимое для изготовления сву, ваши соседи утверждают, что вы очень замкнутый человек, ваши коллеги утверждают то же самое. Под кроватью у вас нашли написанные от руки планы передвижений эскорта в день выступления нашего Вождя и буклеты экстремистской организации, запрещенной на нашей территории. Все улики указывают на то, что обвиняют вас в том, что вы как раз планировали, юноша.- Откуда? Как? Что? Я не... За что?... Я ведь ничего не сделал... Я... Не могу дышать...

Приятная обволакивающая тьма, что может быть приятнее, чем сладкое забытье. Мир кружится в печальном танце. Воспоминания подступают как раз во время этого сна и господин Бланк видит их, а хотел бы увидеть это в реальности. Маленький домик в деревне, пшеничные поля. Славное было время. Когда-то мистер Бланк был счастлив, тогда он жил у бабушки с дедушкой в их крохотном домике на западе Франции, он любил пробегать по пшеничным полям и, пробираясь сквозь них, добегал до реки, на берегу которой можно было часами сидеть и смотреть в воду. Встреча с этими воспоминаниями дала Гаспарду чувство безопасности и радости; счастье длилось недолго, образы начали динамично сменяться и сознание не может уже за них уцепиться. Все трясется, беснуется, оно перестало кружить. Свет и боль. Двое мужчин стоят сейчас над телом господина Бланка: первый пытается привести его в чувство, а второй в это время записывает все, что видит на своем "клиенте". Макэр Дюваль скрипит сначала ручкой, а потом подает сиплый голос: "Доктор, скажите уже, в чем дело?! Это мешает моей работе. Долго это тело еще будет в себя приходить? Надоела уже вся эта возня."- Господин Дюваль никогда не стеснялся открыто выражать свои эмоции подобным образом, хоть и знал, что никому из его окружения это не приносит никакого удовольствия; заботился он только о том, чтобы ему было хорошо в этот момент. Через несколько мгновений заговорил и врач: "Слушайте, он потерял сознание. Точно сказать не могу, потому как вам это не важно, от волнения или от обезвоживания. Дайте ему отдохнуть, поспать, поесть."

- Да что же, доктор, может ему еще и одежду новую выдать? Вот уже нет, он преступник и должен выглядеть и чувствовать себя как преступник. Малец уперся и наотрез отказывается говорить, то, что должен сказать.- в этот момент к господину Дювалю пришло осознание сказанного и в глазах пробежала опасная искорка.

- Подождите, мсье Дюваль, вы хотите сказать, что...- брови доктора начали в изумлении подниматься,- но ведь как так можно?

- Как, разрешите поинтересоваться? Вы, видно, поняли меня неправильно? - Дюваль, занимаясь словоблудием, пытался придумать, как выкрутиться из этой ситуации, чтобы не потерять благорасположение доктора.

- А вот мне, мсье, кажется, что я понял вас правильно и скажу вам, что я этого не одобряю!- Доктор немного повысил голос и за дверью сразу же послышались перешептывания. Ему не приносит удовольствия подобные обвинения в адрес собеседника, а несправедливые обвинения он просто ненавидел.

- Нет же, послушайте, мсье! Я всего лишь пытаюсь разговорить его. Гаспарда Бланка обвиняют в подготовке террористического акта, он собирал сву и распространял своим сообщникам, чтобы убить нашего вождя и я не потерплю террористов в моей стране!- Макэр Дюваль уже готов был завопить, его самого можно было бы использовать вместо рупора пропаганды, если бы платили больше там, чем тут. Через мгновение Дюваль зашипел сквозь зубы.- Надеюсь, теперь вы понимаете, доктор, что в этот раз никакой несправедливости нет и этот юноша-отброс, которого надо казнить без угрызений совести, но только после допроса, чтобы казнить

и его гадких подельников.- Слюни Дюваля полетели прямо на беззащитного доктора.- Да, мсье, прошу простить мне мою грубость, я не хотел вас оскорбить.- Доктор не испытывал искреннего стыда, а лишь отвращение к собеседнику.- Разрешите забрать подозреваемого в лазарет?- Да, пускай унесут.- с важным видом и неприкрытым гневом выплюнул сквозь зубы господин Дюваль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.